

ЮРИЙ БРАГИН, МОСКВА

ПОЭЗИЯ В ПРОЗЕ

(Заметки переводчика о прозе Радована Зоговича)

Среди русских переводчиков югославской литературы утвердилось мнение, что переводить поэзию Радована Зоговича трудно, и не всякий берется (или должен браться) за эту сложную работу, ответственность которой прямо пропорциональна глубине и выразительности поэтического языка, емкости и идейно-смысловой насыщенности поэтического наследия писателя. Вместе с тем, полчаливо предполагается, что проза Радована Зоговича легче поддается переводу на другие языки, что сама технология перевода прозаического текста не диктует жестких норм, допускает возможность расширения „свободы действий“ для переводчика, расширяет рамки художественного осмысления текста средствами другого языка. При всей кажущейся справедливости этого положения, в случае Р. Зоговича оно не дает особых преимуществ переводчику прозы перед переводчиком поэзии, потому что проза Р. Зоговича глубоко поэтична. Это в равной мере относится и к ритмической структуре, и к образности, насыщенности поэтическими метафорами, и сравнениями и многим другим художественным приемам и средствам, которые в своем взаимодействии излучают мощную энергию мыслей, чувств и настроений как эпического, так и лирического свойства.

Поэзия в прозе Р. Зоговича — основа художественного пафоса творческого почерка писателя. Вот почему переводить его прозу ничуть не легче, чем поэзию. Важна не только точная передача смыслового значения каждого слова. Не менее важно сохранить смысловые, логические сцепления между отдельными фразами, сюжетными элементами, причем надо строго следить за порядком слов, сохраняя по возможности синтаксис оригинала и, что особенно важно, на мой взгляд, ритмику фразы, ее эластичную динамику и интонационную, звуковую гамму.

Со всем этим мне пришлось столкнуться при работе над текстами Р. Зоговича, и как я решил поставленные писателем задачи, будут судить другие, я же, как переводчик, старался приблизиться к пониманию поэтического стиля писателя, его манере художественного воплощения мощных жизненных пластов, раскрытия самобытных черт в людях, в характерах, в психологически углубленном раскрытии внутреннего мира героев.

Суровая проза Р. Зоговича представляет собой удивительный и своеобразный художественный сплав социально заостренной идеи с волнующей поэтичностью и сочной живописностью. Да, мне порой казалось, что автор не пишет, а живописует. Как важно сохранить художественный мир, созданный писателем в рассказах, эти изумительные по выразительности и яркости красок, по эмоциональной насыщенности описания природы, черногорской природы. Пейзажам Зоговича нет равных в югославской литературе!

Вспомним, например, как изображена природа Черногории в рассказе „Неразделимые“. Зрительный образ природы настолько осязаем, что здесь мы имеем дело с настоящим художественным чудом, когда создается „эффект присутствия“.

„Тягостной особым образом была эта зима...“

И мы видим, чувствуем эти хмурые и морозные дни, этот воздух туманный и не туманный и небо, которое было и которого не было, слышим, как трещат деревья ночью на морозе, как мохнатые и заиндевелые лошади ступают деревянно, глухо постукивая копытами.

Но вот другое изображение в рассказе „Пейзаж с собаками и раненым: „Вся долина с травой до колена, тропками, прошлогодними стогами сена, лесом и загонами была словно затоплена водой, а пастушьи хижинки казались потонувшими, перевернутыми лодками, и с них, со дна к поверхности воды, искрясь поднимались белые, тонкие, состоящие из капелек струи воздуха — нет, это поднимался не дым из хижин!...“

Необыкновенными, сказочными, просто фантастическими могут показаться пейзажи в рассказах и повестях Р. Зоговича. Это и пышущее огнем горное озеро и заречный луг под дождем, вдруг сделавшийся еще зеленее, а потом в потоках белесого тумана превратившееся в озеро: „удивительное озеро без берегов, голубая, невесомая вода которого парит над землей...“

Сколько наблюдательности в остром взгляде писателя, сколько истинной правды в пейзажах Р. Зоговича, как и во всем, о чем он писал. Природа Черногории сурова и немилосердна, величественна и прекрасна, как фантазия, как сказка. Сравнить, например, горный склон, долину с раскрытой книгой, а речку с ленточкой для закладки страниц мог только большой художник.

Пейзаж в рассказе „Пейзаж с собаками и раненым“ играет ключевую художественную роль, это образ, по-существу персонаж рассказа, и дело даже не в том, что писатель оживляет

явления природы, он вкладывает в свой пейзаж мощное смысловое, философское значение.

Черногорские мотивы в прозе Р. Зоговича такие же яркие и выразительные, как и в поэзии, но здесь, может быть, писатель еще больше обращает внимания на детали и как будто не относящиеся к делу частности, бытовые и даже этнографические. Пытливый взгляд писателя подмечает все, для него нет мелочей, все важно, все имеет смысловое и художественное значение — даже зерна кукурузы, прилипшие к ладони девушки, или капля воды в клюве ласточки.

Стилю Р. Зоговича свойственна ювелирная точность в любой малейшей детали. И во всем, даже в „мелочах“ — безупречность правды.

Со страниц зоговичевской прозы встает история Черногории, обычаи, быт и труд черногорца, почти этнографически точное описание его жизни.

А жизнь черногорца — подвиг, его будни — борьба. Раненый черногорец после схватки с жандармами вступает в смертельную борьбу с жестокими и беспощадными псами хозяина Радича Рачича. Да, это понятно — здесь борьба. Но несчастная Нашка в рассказе „Жизнь“ тоже борется, но терпит поражение. Трагедия ее жизни в том, что она прекратила сопротивление, смирилась с несчастной долей. В повести „Неразделимые“ борются и героически гибнут гайдука-бунтовщики; борется старик, если не за свою жизнь, так по крайней мере за жизнь своего несчастного сына; борется мать, бесстрашно бросившая в лицо офицеру полные презрения слова: „Не ори! Мы не глухие!“; борется мальчик-рассказчик, его стычки с садистом-учителем заканчивались мерзостью наказания, чувством стыда и обиды, но в душе мальчика-черногорца зреет и начинает уже полыхать бунт непримиримый против насилия и несправедливости, гнев его перемешивался со слезами.

Особенности жизненного уклада черногорцев, сложившиеся обычаи нормы взаимоотношений между людьми, нравственные критерии, диктуемые историческим опытом, нашли в прозе Р. Зоговича отражение художественно оправданное. Историческая, социальная психология патриархальных отношений между племенами и братствами с особой силой проявилась в повести „Отцы и месть“. Нет, писатель не идеализирует прошлое, он со всей силой своего таланта осуждает межплеменные распри и кровную месть. И понятен, разумеется, горький смысл замечания о жизни дядьей Велько Остоича, „черезчур короткой даже для страны, где старость считается, может быть, самым большим позором“. Понятен и крик женщины в финале „Первой истории Велько Остоича“: „О, когда же это кончится, когда это кончится?“

Великолепно описание сватовства и черногорской свадьбы в повести „Жизнь“, здесь — трагедия невесты, озорство и мудрость сельского попа, певческие способности „долговязого“ и т. д.

Особо хотелось бы сказать о рассказе „Неразделимые“, действие которого происходит в годы после первой мировой войны. Необычна структура фабулы рассказа, не однопланово, а в нескольких измерениях рисует писатель картину прошлого своей страны. Неверно утверждение, что все происходящее показано через восприятие деревенского мальчика, хотя он действительно главный рассказчик, но не единственный, потому что в повествование вплетаются комментарии и оценки может быть того же самого мальчика-рассказчика, но через пятьдесят лет. Таким образом, одно измерение это — непосредственное и предельно искреннее наблюдение жизни глазами мальчика в момент происходивших событий, по их „горячим следам“; другое измерение — социально-нравственная и философско-историческая оценка событий с временной дистанции продолжительностью в пятьдесят лет и не мальчиком, делающим первые шаги в жизни, а многоопытным человеком прожившим жизнь. Чистота и незамутненность зрения мальчика дополняется мудростью мужа, обогащается опытом прожитой жизни и стойкостью против „ежедневных ударов жестоких учителей“.

Черногорская земля опустела от войн, четвертую часть населения потеряла она за годы первой мировой войны. Многое изменилось и о многом говорит читателю такая, например, констатация: „Здесь, на Большом Взгорье, семь лет назад каждый винтовочный выстрел, а тем более залп, был сигналом для всех, кто носил оружие, каждый тут же хватал винтовку и бежал на место сбора или прямо туда, откуда доносились выстрелы. Сейчас места сбора уже нет, винтовки — под австрийской оккупацией припрятанные и сбереженные или отнятые у австрийских же солдат — у всех отобраны, да и сами владельцы винтовок поределели в результате войн, мора в плену, убийств, чинимых оккупантами“.

Глубоко черногорский мотив усматривается и в факте, когда мать едет на мельницу вместо отца, которого она просто не пускает и говорит: „Кто знает, какие там войска и что они делают вот уже два дня, тебя могут убить. А меня авось не убьют, даже турки женщин не убивали“.

И вообще в доме был заведен такой порядок: „Когда в тревожное и опасное время кто-то ночью стучал в дверь, мать непременно опережала отца, останавливала его и сама отпирала — она выросла при живых еще племенных законах и обычаях и знала (считая это как нечто само собой разумеющееся), что даже в самых тяжких ссорах и распрях женщину никто не тронет“.

Зрительные образы, волшебство „эффекта присутствия, кинематографичность меняющихся картин придают своеобразный колорит прозе Р. Зоговича, делают ее выразительной, исключительно эмоциональной и зрительно ощутимой. Читатель буквально видит Радосава с башмаками и штанами в одной поднятой руке и винтовкой в другой, следит за каждым его шагом, когда он переходит в брод Лим навстречу своей смерти. „Вывалившись из руки, винтовка Радосава перевернулась стволом вниз и упала

в реку; в то же мгновение, словно присев, чтобы пошарить рукой и поднять ее, вертикально погружаясь, исчез под водой и сам Радосав. Штаны, оставшиеся на поверхности воды, быстро распрямились, повернулись недоуменно, выжидательно и поплыли вниз по течению реки, в верхнем слое почти прозрачной. Тридцатью метрами ниже на поверхности воды появился затылок, потом спина утопленника — штаны отставали от него на пять-шесть шагов, и утопленник удалялся вниз по реке, будто разрубленный на две части, которые хотят соединиться“.

Таких примеров можно привести много: на волокуше три убитых бунтовщика, в спутанных волосах которых налипли снежные комья; Вукосав с ножом в руке шагнувший навстречу следователям со словами: „А ну, подходи, *кого мать родила!*“; сваты на конях, сопровождающие невесту и т. д.

Эти заметки могут показаться субъективными, они прежде всего не касаются всей прозы Р. Зогиича, а только тех его произведений, над которыми переводчик работал. Так случилось, что эти рассказы и повести относятся к прошлому Черногории, к жизни на рубеже двух столетий, к трагическим годам первой мировой войны и последующим годам. Но прошлое Черногории — не остывший пепел для писателя, тема памяти, как в поэзии, так и в прозе, для него исключительно современна.

Јуриј БРАГИН

ПОЕЗИЈА У ПРОЗИ

Запажања преводиоца о прози Радована Зогиича

Јуриј Брагин, аутор познате књиге о Браниславу Нушићу и одличан зналац српскохрватског језика, у раду намијењеном Зогиичевом зборнику говори о тешкоћама и чарима процеса превођења Зогиичеве поезије и прозе. Његова пракса преводиоца није само занимљива и значајна као лично искуство, већ по судовима и закључцима који имају суштински значај за упознавање Зогиичевог стваралачког поступка у оба *жанра*, и за оцјену његовог стваралаштва. Она је, углавном, садржана у сљедећа два става: оспоравању утврђеног мишљења да је лакше преводити Зогиичеву прозу него поезију и у формулисању основне особености пјесникових прозних текстова: „У случају Р. Зогиича преводилац прозе није у бољем положају од преводиоца поезије зато што је проза Зогиичева дубоко поетична...“ „Поезија у прози — то је основа умјетничког патоса пишчевог стваралачког стила... Важно је не само тачно преношење смисла сваке ријечи. Исто толико је важно пренијети смисаоне, логичке везе појединих фразе, сижејних компонената, при чему треба строго пазити на ред ријечи, очување, по могућности, синтаксе оригинала и, што је посебно важно — на ритмику фразе, њену пластичну динамику и интонационо еуфемичку скалу“.

Jurij BRAGIN

POETRY IN PROSE

A translator's comments on Radovan Zogović's prose

Jurij Bragin, the author of a well-known book about Branislav Nušić, has an excellent knowledge of the Serbo-Croatian language. In his contribution to this collection issued in honor of R. Zogović, he speaks about the fascinations and difficulties facing the translator of Zogović's poetry and prose. The account he gives is of interest not only as a personal experience. His judgments and conclusions are essential for an understanding of Zogović's creative method employed in both genres, as well as for the evaluation of the poet's achievements. Bragin denies the widespread opinion that Zogović's prose is easier to translate than his poetry. He formulates the basic characteristics of the poet's prose works as follows: »The translator of Zogović's prose is in no better position than the translator of his poetry because Zogović's prose is so thoroughly poetic. . .« »Poetry in prose — that is the essence of the pathos characterizing the author's style. . . It is not sufficient to transfer the meaning of each word only. The semantic, logical relationships between phrases must also be transferred, the narrative components, taking good care to preserve the word order, and, if possible, the syntax of the original and above all — the rhythm of the phrase, its dynamic flexibility and its euphemian intonation patterns«.